

**СОДЕРЖАНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИХ МОТИВАЦИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОТЕСТАНТИЗМА
И ПРАВОСЛАВИЯ**

Проводится сравнение православия и протестантизма с позиции их особенностей по отношению к труду и благосостоянию. Делается попытка проанализировать религиозные и этические аспекты мотивации экономической деятельности в контексте обеих религий. Однако автор приходит к выводу, что новые проблемы, которые ставят перед религией новые задачи, в будущем приведут протестантизм и православие к новым формам и возможному синергетическому сращению родственных христианских религий.

Ключевые слова: протестантские ценности, православные ценности, прагматизм, мироощущение, духовность.

V.A. Makarov

**RELIGIOUS AND ETHICAL MOTIVATIONS
IN ECONOMIC ACTIVITY:
COMPARATIVE ANALYSIS OF PROTESTANTISM
AND ORTHODOXY**

The author carries out a comparative analysis of attitudes to labour and prosperity in Orthodoxy and Protestantism. An attempt was made to analyze religious and ethical aspects of motivation in economic activity in the context of both religions. The author arrives at the conclusion that new religious tasks determined by the current problems will bring both Protestantism and Orthodoxy to new forms and, possibly, to synergetic merger of the two related Christian religions.

Keywords: protestant values, orthodox values, pragmatism, mental attitude, spirituality.

Необходимым условием корректности сравнительного анализа православных и протестантских мотиваций экономической деятельности является в первую очередь описание общехристианского обоснования важнейших этических категорий отношения к труду и собственности.

Отношением к труду в контексте нашего исследования можно считать совокупность представлений того или иного религиозного учения о трудовой деятельности, а также обусловленное этими представлениями экономическое поведение последователей учения. Отношение к собственности — экономическая и этическая категория — имеет значение для нашего исследования прежде всего как субъективное отношение последователей того или иного религиозного учения к предметам общественного богатства. Таким образом, можно утверждать, что центральное место в экономической этике раннего христианства занимал вопрос о господстве духовного начала над материальным.

Протестантизм, а в особенности его аскетические направления, устанавливал приоритет мирской деятельности как способа служения Богу, и, следовательно, этически обосновывал становление капиталистическо-

го хозяйства. Что касается православия, то многие западные философы и богословы вообще отказываются признавать существование специфического для этого вероучения типа хозяйствования. Так, немецкий исследователь А. Басе в работе «Хозяйственная этика русского православия» (Гейдельберг, 1989) делает вывод о том, что православие нейтрально по отношению к хозяйственной и вообще мирской деятельности, оно не дает высших духовных санкций для «мирских достижительных ориентаций буржуазного типа» [4].

Тем не менее не стоит обходить вниманием тот факт, что именно православие в течение многих веков приносило в хозяйственно-экономическую деятельность России духовное начало и организовывало ее нравственно [5].

Как в православии, так и в аскетическом протестантизме производительный труд считается необходимой и важной частью человеческого опыта, леность и безделье осуждаются [3]. Христианская заповедь труда — «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт 2:15) — является универсальной как в одном, так и в другом вероучении и вытекает не только из необходимости выживания, но также из призвания человека к преобразованию земли, делая неприемлемым своекорыстие как основное побуждение к труду.

В православии ценность труда заключается в духовной жизни, его внутренней мотивации. Труд как религиозное служение, совершаемое ради любви к Богу и ближнему, направленное на раскрытие данного Богом таланта, совершенствование и воспитание души, — угодное Богу делание на земле. Труд как средство удовлетворения разного рода страстей (гордыни, тщеславия, жажды власти и др.) воспринимается как суточный, пагубный для души [5].

Основное требование пуританского вероучения — упорный, постоянный физический или умственный труд [1]. Нежелание работать служит для протестанта признаком отсутствия благодати. Если богатый человек не нуждается в работе для удовлетворения своих потребностей, это не меняет того, что заповедь Бога остается в силе, и он обязан блюсти ее так же, как и бедный.

Православный монашеский идеал подразумевает аскетическое отречение от мира. Благодаря этому интерес к практической хозяйственной жизни вытесняется ориентацией на вечное и вневременное, исканием абсолютного добра и абсолютной правды. Для русского православного сознания внутренние духовные качества определяют степень совершенства. Отсюда — растождествление личности человека с выполняемой им функцией, неприкрепленность к определенному социально-профессиональному положению в обществе, незафиксированность сознания на определенном социальном и профессиональном положении, стремление отделить внутреннюю сущность человека от внешнего статуса. Православие не рассматривает профессионализм как религиозную добродетель, но ценит талант быть мастером «во всяком деле человеческом» [5]. У Ричарда Бакстера же во главу угла ставится следующий мотив: «Вне определенной профессии всякая дополнительная деятельность не что иное, как случайная работа; выполняя ее, человек больше времени ленится, чем трудится... Он [работник определенной профессии] занят упорядоченной деятельностью, в отличие от тех, кто пребывает в вечном замешательстве, совершая свои действия вне постоянного места и времени...

поэтому определенная профессия (certain calling) является наивысшим благом для человека» [2]. Не труд как таковой, а лишь рациональная деятельность протестанта в рамках своей профессии угодна Богу.

Нейтральное отношение к материальному богатству и бедности является одной из основных характеристик общехристианской этики. Бедность и богатство могут быть и полезны, и вредны. Бедность полезна, если близка к евангельской бедности, а богатство полезно, если его владелец разумно пользуется своим имуществом. Богатство пагубно, поскольку порождает похоть богатства как у бедных, так и у богатых [5].

В православии земные блага — временны, случайны, преходящи, сами по себе не являются достойной целью жизни: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф 16:26). Цель жизни для православного — стяжание Святого Духа. Это не означает отказа от земных благ или запрета пользоваться ими. В самой природе вещей нет зла, Евангелие осуждает не пользование имуществом, а неправильное отношение к нему. Разумное пользование имуществом заключается в использовании его для высшей цели — *служения* Богу и ближним, помощи нуждающимся, экономического, социального, культурного развития всего общества и процветания Отечества. Служение является важнейшей категорией традиционной русской православной этики, отражающей связь индивида с государством и обществом. На протяжении веков этика служения формировала такой идеал, который выполнял, с одной стороны, мотивационную функцию, т.е. создавал стимулы для активной — в том числе и экономической — деятельности индивидов, а с другой — легитимирующую, т.е. обеспечивал признание их деятельности остальными членами общества в качестве нравственной и достойной.

Что касается американского пуританизма, то в трудах многих поведенников можно обнаружить утверждение о том, что богатство как таковое таит в себе опасность [1]. Испытания богатства безграничны, стремление к нему не только бессмысленно, но и вызывает сомнения нравственного порядка. Пуританская аскеза тем самым направлена против любого стремления к мирским благам, притом значительно более резко, чем учение Кальвина. Кальвин, например, не видел в богатстве духовных лиц препятствия для их деятельности. Более того, он усматривал в богатстве средство для роста их влияния, разрешал им вкладывать имущество в выгодные предприятия при условии, что это не вызовет раздражения в окружающей среде [6, с. 90–131]. Морального осуждения достойны успокоенность и довольство достигнутым, наслаждение богатством и вытекающие из этого последствия — бездействие и плотские утехы, и прежде всего ослабление стремления к «святой жизни». И только потому, что собственность влечет за собой эту опасность бездействия и успокоенности, она вызывает сомнения. В земной жизни человеку, для того чтобы удостовериться в своем спасении, «должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день» (Ин 9:4). Следовательно, главным и самым тяжелым грехом для пуританина является бесполезная трата времени. Жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна, она должна быть использована для подтверждения своего призвания. Время безгранично дорого, так как каждый потерянный час труда отнят у Бога, не отдан преумножению славы его. Созерцание менее угодно Богу, чем активное выполнение его воли в рамках своей профессии. К тому же для занятий такого рода существует воскресенье. По мнению Ричарда Бакс-

тера, люди, бездеятельные в своей профессии, не находят времени и для Бога, «когда приходит час Его» [6, с. 90–131].

Таким образом, мирская аскеза протестантизма решительно отвергала непосредственное наслаждение богатством и стремилась сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества. Борьба с приверженностью к материальным благам была борьбой не с рациональным приобретательством, а с иррациональным использованием имущества. Аскеза требовала от богатых людей не умерщвления плоти, а такого употребления богатства, которое служило бы практически полезным целям. Аскеза пуританизма в полном соответствии с Ветхим Заветом видела в стремлении к богатству как самоцели вершину порочности, а в богатстве как результате профессиональной деятельности — Божье благословение.

С другой стороны, в качестве следствия выполнения профессионального долга богатство морально не только оправдано, но даже предписано протестантизмом кальвинистского толка. Желание быть бедным было бы равносильно, как часто указывается [2], желанию быть больным, и оно достойно осуждения. Что касается нищенствования, которому предается человек, способный работать, это не только грех бездеятельности, но и нарушение завета любить ближнего своего.

Мотивировка жизненного поведения в православии и аскетическом протестантизме носила различный характер. Если основная установка аскетического протестантизма — подтверждение индивидуального спасения через непрестанные личные усилия в выполнении профессионального долга, то православная этика не содержит противопоставления личности обществу, ориентируя на заботу не только о личном достоинстве, но и о жизни и достоинстве других.

Суммируя все вышесказанное, мы можем сделать вывод, что православная моральная традиция и присущая ей психологическая мотивировка хозяйственной деятельности вполне адекватны духу аскетической рациональности, отождествляемой в первую очередь с протестантским религиозным сознанием. Однако тот факт, что для русского православного сознания степень совершенства определяется внутренними духовными качествами, являясь, на наш взгляд, сильной чертой православия, с другой стороны, проигрывает с экономической позиции протестантскому обожествлению труда, что проявляется в разнице экономического развития государств, в основе которых лежит протестантская трудовая этика, и стран, ведущих свое развитие от православия. Однако новые проблемы ставят перед религией новые задачи, прежде всего по собственному переустройству и соответствию людским ожиданиям, следовательно, в будущем и протестантизму, и православию придется пройти через трансформации, и существует вероятность синергетического сращения родственных по своему мироощущению ответвлений религий.

Список использованной литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 61–208.
2. Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 273–292.
3. Гвоздев Н. Совместим ли капитализм с православной точкой зрения? / Н. Гвоздев // Христианские начала экономической этики: материалы конф. — М., 2001. — С. 26–34.

4. Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: Макс Вебер и современные теории модернизации / Н.Н. Зарубина. — СПб.: РХГИ, 1998. — 325 с.

5. Коваль Т.Б. Этика труда православия / Т.Б. Коваль // Общественные науки и современность. — 1994. — № 6. — С. 55–70.

6. Ян Гус. Лютер. Кальвин. Цвингли. Патриарх Никон: Биографические повествования / под ред. И.Ф. Болдыревой. — Челябинск: Урал LTD, 1998.

Referenses

1. Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma / M. Veber // Izbrannye proizvedeniya. — M.: Progress, 1990. — S. 61–208.

2. Veber M. Protestantskie sekty i dukh kapitalizma / M. Veber // Izbrannye proizvedeniya. — M.: Progress, 1990. — S. 273–292.

3. Gvozdev N. Sovmestim li kapitalizm s pravoslavnoi tochkoj zreniya? / N. Gvozdev // Khristianskie nachala ekonomicheskoi etiki: materialy konf. — M., 2001. — S. 26–34.

4. Zarubina N.N. Sotsiokul'turnye faktory khozyaistvennogo razvitiya: Maks Veber i sovremennye teorii modernizatsii / N.N. Zarubina. — SPb.: RKhGI, 1998. — 325 s.

5. Koval' T.B. Etika truda pravoslaviya / T.B. Koval' // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. — 1994. — № 6. — S. 55–70.

6. Yan Gus. Lyuter. Kal'vin. Tsvingli. Patriarkh Nikon: Biograficheskie povestvovaniya / pod red. I.F. Boldyrevoi. — Chelyabinsk: Ural LTD, 1998.

Информация об авторе

Макаров Владимир Андреевич — аспирант, кафедра регионоведения Северной Америки, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: b1ohazard@chita.ru.

Author

Makarov Vladimir Andreevich — post-graduate student, Chair of North America studies postgraduate, Transbaikal State University, Chita, e-mail: b1ohazard@chita.ru.